

Электронная среда или новые пещерные люди

Валерий Голофаст

Социологический институт РАН

Выражение «информация – это власть» давно стало расхожим штампом. И как всякий штамп оно может не только помогать, но и мешать думать. Информация сегодня – это уже не власть, или, скорее, она превращается на наших глазах в какую-то другую, малознакомую, странную, а в чем-то и малоприятную субстанцию.

Информация – это среда, это запах, которым насыщено все вокруг, это пыльца, которая может стать опасной, как только ты прикоснешься к некоторым предметам в своем окружении.

Переворот в понимании природы информации происходит в связи с ростом сложности человеческого общества и особенно тогда, когда информация становится электронной.

Из монастыря в открытый мир информационных услуг

Много проще было тогда, когда информация была устной, визуальной или просто бумажной. Долгое время опорным образом хранилища информации была библиотека. Вы проходите мимо полок с книгами. Это Толстой, это Пушкин, это «Кулинария», а это учебник арифметики. С их помощью человек входил в социальный мир. В закромах истории он вооружался всем, что нужно ему по жизни. В этом мире человек был послушником, а культурные учителя настоятелями. И каждый жил в своем монастыре.

Электронная информация совсем другая. Включаешь вечером телевизор: новости. Переключаешь на другой канал: тоже новости. Всюду одно и то же, но всюду слегка разное. Здесь сериал. И здесь сериал. И разницы между ними почти нет. «Средство – есть сообщение?». Главное, включен ты в него или исключен. Но, может быть, и это не главное? Новость так или иначе проговаривается вокруг и почти наверняка достигнет тебя. Электронная информация это поток или источник, который не иссякает, его струи проникают повсюду. Рано или поздно они доберутся и до тебя.

Граница закрытости – государственной, коммерческой или личной тайны – остается, но часть информации превращается в среду, которая нужна всем, без нее сложные системы уже не функционируют, они дезорганизируются, разрушаются, их эффективность погашается или поглощается другими потоками.

Было время, когда системы социального обслуживания были устроены односторонне. Они включались в дело, если клиент обращался к ним. Они производили набор услуг, вели статистику, следили за конкурентами и так гарантировали свою эффективность. Но теперь уже этого мало. Если они не обеспечивают информационную открытость перед своими клиентами, если клиенты остаются пассивными, не включаются в диалог, поиск и отбор, системы будут терять клиентуру и потоки иссякнут. Да и качество не будет соответствовать индивидуальному запросу.

Другую особенность электронных систем легче проследить на масс-медиа. До сих пор стратегия медиа в общем и целом строится по давно устаревшему принципу «больше, больше, больше». Больше часов вещания, больше каналов или страниц газеты, больше аудитория. Практика избегания, уклонения, информационных барьеров и защиты от дезинформации, манипуляции, нежелательного влияния заставляет пересмотреть этот принцип. Когда основной проблемой был дефицит информации, доступ к ней казался несомненной властью, а любая информация надежным товаром. Когда же информация организуется в постоянно действующие потоки (в отличие от хранилищ), когда она становится избыточной, мозаичной и многослойной, когда информационная среда становится угрожающей и опасной, потоки меняют свою архитектуру. И эти изменения приходят со всех сторон.

Метафоры электронного мира

Рассмотрим некоторые особенности возникающей архитектуры электронной коммуникации. Уже сейчас владельцы мобильных телефонов образуют то, что можно назвать неопределенной совокупностью «плавающих сетей». Они плавающие потому, что ни место, ни время, ни функциональный профиль взаимодействия, ни состав их участников заранее не обусловлены. Регулярные и случайные собеседники посылают и получают импульсы друг другу в своем собственном внутреннем времени и в сжатом до виртуальных параметров пространстве взаимодействия. Фиксированные на дисплеях сообщения перемежаются с реальными звонками и автоответчиком. Не говоря уже о подключении к базам данных, интернету и другим медиа. Освобожденные от детерминант физического времени и пространства сообщения приобретают или теряют смысл в контекстах социально определенных взаимоотношений участников плавающих сетей. Тем самым поддерживается и перестраивается поток коммуникаций и возникающая на его невидимой основе череда действий и событий, которая вряд ли может быть расшифрована посторонним наблюдателем, если он не является уже звеном данной плавающей сети.

Другой особенностью современной архитектуры коммуникаций является возникновение и господство в общественной жизни *информационных магистралей*. Среди очевидных примеров туризм, авиаперевозки, образование, реклама, финансовый мир. Ни современный транспорт, ни медиа, наука или медицина не могут обойтись без опоры на информационные магистрали. Достаточно вступить, с делом или без дела, внутрь такой магистрали, и уже вас со всех сторон охватывает ее автономная внутренняя жизнь, со своими правилами и понятиями, напряжениями и ориентирами, специфической властью и искушениями. Конечно, большая часть таких магистралей производна или повторяет структуру существующих институтов. Но поскольку у них есть своя динамика, требования и проекты, поскольку они интерферируют, вступают в симбиоз с другими потоками общества, эти их особенности поглощают интересы и стремления индивида. В соответствие со своим статусом в них ему приоткрываются только немногие проблематичные возможности. Хороший пример – это фрагментация профессиональной карьеры или занятости в условиях конкурентного, неустойчивого рынка труда. Но то же относится и к образованию, потреблению или лечению. Всюду необходимым качеством индивида становится компетентность, включенность, навыки информационной безопасности в потоке, где никакой статус сам по себе не гарантирует выживания и эффективности.

В обществе физических аналогий между социальными институтами и секторами общественной жизни, то есть их локализацией в пространстве, место человека в структурно-функциональной иерархии казалось по крайней мере временно фиксированным - позиция, статус, роль. Зависимость человека от институтов была определяющей для его поведения и внутреннего мира. В мире информационных магистралей и плавающих сетей автономия человека кажется более гарантированной. Но она может оказаться автономией зомби, террориста, свободного художника, профессионала или просто фланера.

Информационные магистрали функционируют одновременно, они не ведут ни к какому единому центру, у них нет собственной истории, они просто обеспечивают общее движение и связь. Они движутся вместе с нами, или, возможно, мы только и движемся, опираясь на них. Плавающие сети это сложные молекулы *информационных потоков*. Но и те, и другие вряд ли можно охарактеризовать в терминах организованности, структуры, направленности в пространстве или во времени, иерархии, соподчиненности или власти. Все эти категории кажутся застывшими, закорстевшими, слишком природными, ломкими и замшелыми пережитками уходящей эпохи. Почти в любой области общественной жизни на месте легко идентифицируемых структур и иерархий возникают *сетевые потоки*. Их турбулентность, неизоморфность, зависимость от отдельных участников, непредсказуемость подрывают традиционные отношения подчинения и власти.

Смена посредников

Возможно, суть дела состоит в том, что существовавшие веками способы интеграции общественных институтов, поддержания и функционирования общественного порядка стремительно устаревают и преобразуются под воздействием информационной среды, виртуальных финансовых механизмов, систем отображения общественной, природной жизни и даже космических явлений. Сегодня *технонаука* – технология, опирающаяся на научные знания – становится универсальным посредником между человеком и миром, вооружает его новыми способностями и возможностями. Власть, деньги и насилие, бывшие веками основными инструментами упорядочения общественной жизни, больше не являются ее универсальными посредниками. Зона их действия сужается и ограничивается. Но технонаука не только вооружает человека, она и угрожает ему, хотя суть этих угроз стремительно меняется, отчетливо осознается лишь во второстепенных проявлениях.

Классический пример экранирования от нежелательных взаимодействий и информации – это отдельный кабинет бюрократа. Секретарь фильтрует звонки и посетителей, почту и информацию наружу. Легко вообразить, что метафора кабинета бюрократа сохраняет какой-то смысл для мобильного участника плавающей сети. В его воле отозваться на звонок или игнорировать его, распознав собеседника. Но уже поведение индивида в условиях информационной магистрали не поддерживается этой метафорой. Здесь интерактивность пребывания в потоке становится способом его осуществления, обусловленным извне, со стороны техники, институтов, и изнутри,- через отбор, компетентность и шаги каждого участника.

Третья особенность архитектуры электронных коммуникаций связана с понятиями текста и интертекстуальности. Мифологическое и религиозное восприятие мира опиралось на текст мифа или сакральные тексты великих книг, в свете идей, образов и категорий которых строилась вся общественная жизнь.

Технологизация культуры в электронный век выстраивает все тексты культуры в единый универсум, удваивает, умножает мир человека, вовлекая его в практически бесконечную вереницу текстов или во множество всех возможных связей между всеми существующими и даже только еще возможными текстами. Не столько знание текста самого по себе или владение арсеналом, скрытым в нем, определяет компетентность – мудрость, книжную эрудицию в древности, - сколько способность извлекать из многообразных связей между текстами (интертекстуальность) решения всех проблем, которые встают перед человеком в этом мире, становится все более важной. На помощь человеку приходят различные варианты *технологии гипертекста*.

Новые модели архитектуры культуры еще предстоит найти и сформулировать. Во всяком случае такие идеи, как интеграция, синтез, мультикультурализм или стандартизация глобальной культуры оказались недалекими и временными упрощениями. Электронные технологии соединяют в один ряд никогда прежде несоединимое: хранилище знаний и передний фронт науки или медиа, событие и его одновременное отображение, решение человека и действие на основе решения. В *электронной среде* тексты, каталоги и указатели к ним, действия и их последствия объединяются в одном поле, все маршруты переплетаются, а направления чтения и письма подчиняются прихотливой логике виртуальности. Подвижность зрительных образов, их сочетаемость начинают доминировать над комбинациями слов или звуков, команд и правил.

Свобода, неравенство, заброшенность

Электронные технологии придают поведению человека свободу от ограничений пространства, времени и дистанции между людьми, обходят властные или имущественные иерархии, обеспечивают доступность потенциально любых культурных ценностей. Пока еще эти качества электронных коммуникаций только предвидятся, благодаря таким реализациям как гипертекст, интернет, интегрированные мобильные системы. Они привязывают человека к себе или сопровождают его по жизни, не меняя (пока) природу человека как таковую. Но меняют ли они общество?

В эпоху экспансии масс-медиа многие информационные потоки с чисто технологической точки зрения приобрели односторонний характер. Опять таки чисто технологически их пытались диалогизировать, то есть разработать так называемые интерактивные костыли, с помощью которых клиент (реципиент, буквально, получатель) приобретал бы хотя бы видимость влияния в определенном потоке. Так был изобретен автоответчик в виде приставки к телефону. Безуспешны, несмотря на многие предложения и разработки, были попытки дополнить интерактивной приставкой обычный телевизор. Газеты до сих пор манипулируют с почтой читателей, помещая на свои страницы крошечную выжимку из их бесконечного потока. Аналогично поступает радио, кроме музыкальных и развлекательных каналов, отводящих телефонному трепу целые часы суточного эфира.

В интернете ситуация, кажется, совсем поменялась. Напомню, что в сети есть много устройств, обеспечивающих интерактивность, диалогичность, технологическое равноправие взаимной коммуникации. Прежде всего это чаты и почта. Опросы и дискуссии на развитых сайтах несут следы прошлых эпох и устройств. Стратегия манипуляции клиентом доминирует. Но вы можете

сформировать свой сайт и ждать его успеха. Словом, в интернете у вас хоть есть шанс быть почти на равных с некоторыми другими участниками сети.

И однако, вспомним о барьерах не технологического порядка. Прежде всего это закрытость государственной и коммерческой тайны, платных услуг в интернете, электронной торговле, а также все те ограничения, которые привлекают своей загадкой или абсурдом хакеров. И так, сеть, как и мир, устроена пестро. Несмотря на технологические возможности, неравенство в сети еще более замаскировано, чем в физическом обществе.

Вообще говоря культурное или информационное неравенство не является чем-то новым, но создается впечатление, что в эпоху электронных коммуникаций оно становится критически важным, определяющим для возможностей человека или группы. Первый барьер неравенства – это включенность-исключенность из информационного пространства, медиа, сетей и магистралей. Этот барьер оставляет человека слепым, глухим и безязыким в мире бесконечного лопотанья и непрерывного шоу, он отключает от удаленных (одновременных и отдаленных во времени) событий, происшествий, сфабрикованных фикций и случайных комбинаций непрерывного потока. Исключенность выстраивает скорлупу одиночества и заброшенности. Другие барьеры как бы взвешивают человека на денежных весах или ставят на нем метку культурного статуса или ранга власти. Только прошедшие тест состоятельности могут двигаться дальше, жить полнокровной жизнью, в соответствии с определением информационного мира, принятым по умолчанию.

В электронную пещеру и прочь из нее

Теперь посмотрим на человека чуть-чуть в другой перспективе. На прогулке, в парке вокруг его окружают деревья, цветы и птицы, он впитывает запахи и звуки, ветер и свет... Но теперь человек все чаще живет в другом мире. Местом его обитания, на работе и дома, становится электронная пещера.

Он сидит, вставив в нее голову. Глаза и уши, руки и пальцы подчинены этой позе. Но особенно его мысли, чувства и воля – далеко за пределами окружающей обстановки. Его внутренняя жизнь вся целиком перемещается туда, за экран – в электронную пещеру. Происходит радикальная денатурализация человека. Почти обездвиженное тело на стуле погружается в виртуальную жизнь электронной пещеры.

Но, позвольте, возразят оппоненты. Разве не такова же условность театра, кабины самолета для летчика или кресла водителя автомобиля? Да много проще, поза мечтателя или читателя в публичке – разве не вход в ту же пещеру?

Действительно, человек не только физическое существо, но и дух, живущий в символическом мире. По временам то одно, то другое его качество как бы растворяется, нейтрализуется, замещается другим. Технология – эта часть культуры, одновременно материальной и духовной, вклинивается в тело человека, становится его органом, обеспечивает его двойную, многомерную жизнь. Но всякий раз по-разному, поскольку она следует своим, не совсем понятным законам. Организация жизни становится такой сложной, неподконтрольной человеку, что информационные технологии неизбежно проникают в личную жизнь и становятся одной из *несущих платформ сознания*. Отвлечься от их принудительного влияния индивиду становится все труднее и труднее.

Интенсивная включенность в информационные потоки приводит к перегрузкам, особенно, если эти потоки связаны с профессиональными заботами. Все чаще человек устраивает себе собственную среду, в которую внешняя информация может проникать только под жестким, заранее сформированным контролем. Человек отдыхает, учится или работает, «отключаясь от всего». Возникает вопрос, в какой нише он прячется, сознательно уединяется? Насколько я знаю, не было исследований на эту тему в разных профессиях, городах и странах. Но хорошо известны отдельные модели такого поведения. Большая часть таких моделей имеет классовый или статусный характер, а некоторые интенсивно коммерциализированы. Но совершенно очевидно, что все они далеки от описаний традиционных массовых форм досуга и развлечений. И часть такого поведения наверняка не относится к семейной или просто приватной сферам.

Информационная среда принуждает изобретать новые формы общежития, проникая во все институты, взламывая формы приватности, деформируя привычные культурные формы и установки поведения.

Возьмем простую бытовую ситуацию, хорошо испытанную почти всеми: телевизор включен и стал фоном для многих других бытовых действий. Обследования родителей и детей показывают, что само присутствие в информационном потоке не безобидно. Картинки на экране меняются, чередуется музыка и речь, но в этой непрерывной мозаике одни и те же отрывки без конца возвращаются, повторяются, уподобляются друг другу. Мир телевизора опасно застывает на одной и той же ноте *deja vu* – узнаваемого, давно знакомого, даже в чем-то надоевшего содержания. Несмотря на чередование событий, прямые репортажи с мест, появление новых лиц и слов, остается впечатление, навязчивое как надоевший мотив, что время остановилось. Утомленный этим непрерывно мелькающим и звучащим фоном, зритель подчас не может сказать, что же он делал целый божий день, чем он был наполнен, как он его прожил. Культурная глубина быта как бы растворяется, жизнь становится плоской, превращается в непрерывное скольжение в неизвестно каком направлении. Организация собственной жизни как бы впечатывается в мозаичную матрицу, услужливо предоставленную человеку извне. Ее технологическая и культурно-смысловая организация остается вне контроля индивидуального сознания и даже вне привычных форм взаимодействия между ребенком и родителем. Все спокойно в этой привычной ситуации. Но вдруг мать замечает, что ребенок не может выучить обычные детские стихи. В них другие принципы организации символического мира. И эти принципы становятся ребенку не под силу. Внешней опоры нет, и уже ребенок не справляется сам, не может ходить свободно в пространстве традиционной культуры.

Еще более сложной оказывается проблема контроля над пребыванием в информационной среде, когда мы обращаемся к другим направлениям ее коммерческой или технологической организации: к темам развлечения, образования, потребления, спланированной символической манипуляции. Здесь человека в любой момент поджидают коварные информационные ловушки. Они устраиваются людьми и технологическими системами, и значит, им можно противостоять. Но всякий раз это требует ресурсов, компетентности, осторожности и самосознания. Самозабвение, ослабление или утрата я здесь становятся особенно опасными. Достоевский когда-то описывал эти явления в романе «Игрок». А сегодня появляется все больше данных об опасностях

полного погружения в информационную среду, некритического доверия к ней. Электронная среда может быть поводом человека только временно, условно, виртуально. Рано или поздно нужно вернуться на твердую освоенную почву.

Традиционно все культуры были устроены иерархично. Электронная среда разрушает иерархические принципы, вернее, она переносит иерархии в технологическую плоскость. Связи клиент-провайдер, пользователь-администратор сети, абонент-оператор остаются иерархически организованными, но само движение в информационном потоке дает шанс каждому атому присоединиться к любой молекуле и войти на равных в любую информационную магистраль. Но этот шанс обусловлен не столько технологически, сколько со стороны культурных устремлений и валентностей каждого атома.

Вездесущий характер информационной среды создает иллюзию полной прозрачности человеческого мира. Кажется, стоит сделать только небольшое усилие, и можно будет увидеть все. В потоке культурные иерархии и культурные барьеры как бы стираются, становятся трудно различимыми. Они больше не опираются на внешние авторитеты, становятся чисто семантическими, мерой смысловой близости или символического уподобления. Контроль над этими новыми принципами организации культуры дается с большим трудом. И парадокс состоит в том, что никому не удастся держаться заранее продуманного маршрута. Непредсказуемость потока является просто обратной стороной его непрерывного движения.

Следует вспомнить еще об одном старом споре. Информация не равна мысли, она не рождает автоматически идеи, хотя и принуждает вас испытывать некоторые чувства и вызывает произвольные ответные реакции. Сколько бы информации вам не предъявлялось, нет никаких гарантий, что вы поймете то, что заложено в ней, что в ней содержится. Мало того, что вы прочтете ее по-своему. Прежде всего вы можете ничего в ней не увидеть.

Обычно считается, что рефлексия – природное свойство человека. Но это типичное стойкое заблуждение. Рефлексия есть результат долгого культивирования, тренировки и стремления. Рефлексия не безопасна. Она не просто движение по правилам логики, игры или прыжок в неизвестное на базе опыта, навыков и интуиции. Рефлексия это опасная авантюра, в которую вы втягиваете себя, если у вас есть силы и время устоять в потоке. В некоторых профессиях сложные навыки приходится доводить до автоматизма, иначе с потоком не справиться. Так тренируют летчиков, спортсменов или врачей.

Итак, движение в потоке требует от человека противоположных качеств, его положение среди других участников всегда амбивалентно. Ему открыты разные возможности, о которых не следовало бы забывать. Информационная среда многоголоса и многоуровнева. Это значит, что выражение «информация – это власть» есть не что иное, как профессиональная идеология успеха героев информационного мира. Но оно вряд ли понравится его жертвам или рядовым участникам.

Мир, ускользающий от определений

Пока мы сделали только первый круг наблюдений и самонаблюдений в информационной среде, в потоке, который обтекает нас со всех сторон, проникает в нас отовсюду. Предстоит сделать следующий шаг, обнаружить хотя бы некоторые причины происходящего. Но прежде следует задать себе некоторые вопросы. Почему информационная среда опасна, откуда в ней

столько мусора и что означает стремление защититься от нее, можно ли оправдать импульс исключенности? Что сближает и что решительно разделяет информационную среду и символические миры традиционных культур? К каким последствиям может привести разрыв между ними?

Нет сомнения, что информационная среда только при первом знакомстве кажется наполненной атмосферой дружелюбия, услужливости, открытости диалога, бесконечного чередования возможностей и новаций. При более полном погружении в среду вдруг обнаруживается, что это поле гонки, яростной схватки, конкуренции и соревнования различных или даже антагонистических сил. Возникают ли они в самой среде как ее собственное неотъемлемое качество или привносятся в нее из других областей жизни, об этом пока можно не рассуждать.

Важно, что мотивы этой борьбы самые разные и могут быть совершенно неожиданными. Одни стремятся раньше всех обнародовать новость, сконструировать сенсацию. Другие – продвинуть свой товар. Иные шутят, а другие воруют, кто-то предостерегает, а кто-то клянет. Но именно из таких стремлений вырастают общие свойства среды в целом: она избыточна, в ней многое повторяется, с вариациями или без, она мозаична, плохо держит структуру и маскирует иерархию, она текуча. Недаром нахождение в среде проще всего схватить метафорой *скольжения*.

К тому же сама среда все время эволюционирует. Речь идет не только о непрерывной смене технологий, рейтинговых участниках потоков новостей, торговли, услуг, рекламы, бизнеса или политики. Речь идет не только о героях, но и всех других участниках и пользователей среды. Наконец, речь идет о самой структуре всего потока в целом, хотя эти слова больше и не выражают интуицию или метафору самого понятия. Да и понятие ли это – электронная информационная среда? Ее аморфность, катастрофичность, непроницаемость как массы несомненны. Впрочем, оставим это.

Начинались медиа (средства –лат.) невинно. Внутренняя речь превращалась в слухи. А слухи передавались из уст в уста. Если заняться археологией слухов, мы, возможно, придем к матери, предостерегающей своего дитя. Или к стаду на страже своего молодняка – внешний мир полон опасностей, о них и судачат соседки. Рано или поздно слухи доходят и до вожаков. Это потом медиа пытались отделить факты от мнений, теории от мифов, идеи от фантазий. Конечно, настоящие медиа заработали только во вполне секуляризованном мире. И стали быстро эволюционировать под влиянием все более онаученных технологий. Но это только одна линия эволюции. Есть бесчисленное количество и других.

Вначале в информационных средах могли двигаться, действовать и выживать только эксперты. Теперь она доступна детям, безъязыким эмигрантам и почти дикарям. Вначале, чтобы вас допустили в среду, нужно было сдать кучу экзаменов по экзотическим языкам и разделам математики и техники. Сегодня уже среда обучает почти всех пользователей. А техминимум элементарен. Если и остается барьер простейшей доступности, то он скорее денежный. И напомним, медиа – это далекая предыстория электронной среды. Медиа еще, кажется, живы. Но они на наших глазах превращаются в динозавров или ловких имитаторов среды. Как отставшие троичники они списывают свои слова и сюжеты из текущей среды, стилизуя их под продукты традиционной журналистики. Но отвлечемся на время от генетической линии эволюции. Она

все менее интересна. В электронной среде технологически сцепляются, спариваются самые неожиданные элементы общественной жизни и культуры.

Одно из самых беспокоящих качеств электронной среды – это проникновение *следающих систем* во все ее поры, струи и срезы. Следающие системы нужны не столько для контроля, они – неизбежное условие эволюции потока, технологическая неизбежность. Ко всему прочему ни один социальный институт не может обойтись без следающих систем. Человеку в электронной среде предстоит привыкнуть к оку Большого Брата, как он привыкает к своему телу. Когда-то его путь определяли пророки и оракулы. Ныне он движется сам, но под непрерывным надзором других. Все больше и больше его внутренних качеств становятся внешними параметрами, исчисляемыми и подлежащими учету на стороне.

Сегодня модно противопоставлять иерархические и сетевые системы, обыгрывать их очевидные контрасты и воображаемые достоинства. *Потоковый и сетевой характер* информационной среды поддерживает иллюзию «полного» отсутствия иерархии. Не только в смысле «всё дозволено и всем». Более важной является мозаичность, «рядоположенность» любых фрагментов, осуществимость почти любых команд, виртуализация любых желаний. Новое поколение пользователей среды может даже не подозревать, что цивилизация в целом покоится на трех китах или слонах – на страницах великих книг. На фундаментальных ценностях культуры. Не столь важно, какой, но культуры. Такую утопию описывает, например, Татьяна Толстая в романе «Кысь»: как выглядит мир, где люди забыли книги и все культурные иерархии.

Простота спасет мир

«Электронная среда проникает повсюду, без нее сложные системы уже не функционируют». Но ведь мир полон и простых систем. Людей, птиц и растений. Зданий, памятников и дорог. По утрам город заспано протирает глаза в тумане. И пока его не развеет ветер и встающее все выше солнце, жизнь кажется нереальной, колеблющимся маревом за окном автобуса или автомобиля. Мир остается грубо материальным. Продолжаются войны, люди спускаются в шахты или поднимаются по обледенелым ступенькам на свои подъемные краны. Разбиваются самолеты, даже если они и летят под автопилотом. Электронная среда – это не заменитель жизни. Это отныне ее составная часть, спутник, тень, от которой нелегко отделаться.

Можно перенести в виртуальный мир любые пороки, превратить ее в арену бесконечных войн и утопий, суеверий и фантазий, можно даже попытаться использовать виртуальную среду как инструмент настоящей войны, но мир природы, людей и культуры, хотя и пострадает от этого, не перестанет существовать в своей грубой конкретности, истории и эволюции. Но его существование теперь немислимо без электронной среды.